

А. Амфитеатров

**Русский поп XVII века.
Этюды**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А. Амфитеатров**
Русский поп XVII века. Этюды / А. Амфитеатров – М.: Книга по Требованию,
2021. – 229 с.

ISBN 978-5-458-78289-0

ISBN 978-5-458-78289-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ней. А бывали эпохи, когда хорошее духовенство признавалось нежелательнымъ и какъ бы опаснымъ (см. въ этюдѣ „Попы и бунты“ лицемѣрные уклоны Екатерины II отъ улучшеній быта духовенства и мнѣніе историка Болтина). Народу „попъ“ былъ тѣмъ пріятнѣе, чѣмъ проще жилъ самъ и чѣмъ меньше вмѣшивался въ духовный строй и бытовой укладъ своей паствы. Если при этомъ онъ опрощался еще до того, что не прочь бывалъ отъ нѣкотораго священно-волхвованія (напр., нашептать „въ шапку“ заочную молитву для родильницы, позволить покатать себя въ ризахъ по жнивью для будущаго урожая и т. п.), то крестьянскій міръ такому батюшкѣ цѣны не зналъ и заживалъ съ нимъ душа въ душу.

Необходимость имѣть духовенство культурное и обезпеченное русское самодержавіе поняло слишкомъ поздно. А за упорядоченіе класса взялось неумѣло: очень свысока, бюрократически, съ черезчуръ откровеннымъ политическимъ эгоизмомъ. Последнее 40-лѣтіе XIX вѣка и предвоенные годы XX-го дѣйствительно выводили сельское духовенство, мало по малу, изъ „мужичества“. Но... только для того, чтобы осуществить стародавнюю идею Татищева: сдѣлать „попа“ блюстителемъ политической лояльности паствы, въ тройственной союзѣ съ правительственнымъ чиновникомъ и землевладѣльцемъ. „Попъ-мужикъ“ сталъ вытѣсняться „попомъ-урядникомъ“. Это нисколько не возвысило сословія ни въ своихъ собственныхъ глазахъ (напротивъ, въ противовѣсъ „полицейскимъ въ рясахъ“, началъ энергически расти и множиться типъ „попа-оппозиціонера“ и даже „революціонера“), ни, того менѣе, въ глазахъ образованнаго общества. И очень грубо и глубоко надорвало вѣковую связь между духовенствомъ и народомъ.

Надрывъ этотъ мрачно обозначился въ революцію 1917 года, когда народъ, почти безъ сопротивленія, равнодушно выдалъ свою Церковь съ ея духовенствомъ атеистамъ-большевикамъ на пропятіе. Нужна была вся дикарская безтактность озвѣрѣлыхъ гонителей религіи, съ одной стороны, и рядъ непримѣрныхъ массовыхъ бѣдствій, постигшихъ обезбоженную страну, съ другой, для того, чтобы

народъ опомнился отъ напущенной на него мары, и снувшаяся религіозная потребность вновь потянула его и утѣшительный кровъ родной Церкви.

Нѣтъ худа безъ добра: „громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится“. Страшные громы, катающіеся надъ русскимъ народомъ, кажется, выучили креститься всѣхъ, за исключеніемъ развѣ безнадежно глухихъ, для которыхъ, по пословицѣ, „попъ двухъ обѣденъ не служитъ“. Для имѣющихъ же уши слышати обѣдни нынѣ служатся усердно и въ подъяремной Россіи, и въ Зарубежьѣ, и внимаются страстно толпами, полными духа покаянія и моленія: „Да не одолѣетъ наша злоба Твоя неизглаголанная благости и милосердію и якоже хоцещи устрой о насъ вещь!“ Съ новымъ глубокимъ уваженіемъ приглядываются и прислушиваются русскіе люди къ своему духовенству, въ той героической части его, что вотъ уже двѣнадцатый годъ проходитъ горнила мученичества казнями, заточеніями, изгнаніемъ въ чужія земли, не поддаваясь ни Антихристову насилію, ни Антихристовымъ соблазнамъ на соглашеніе.

Въ очистительномъ горнилѣ великаго страданія выгорѣли язвы русскаго духовнаго сословія, искупило оно свои грѣхи вольные и невольные. Будемъ надѣяться и вѣрить, что, когда для Зарубежья настанетъ счастливый часъ увидѣть воскресшую изъ омертвѣнія Россію, то въ ея безчисленныхъ церквахъ воспоютъ благодарственные молебны уже не побѣдоносцевскіе „попы-урядники“, „чиновники въ рясахъ“, и не до реформенные „попы-мужики“, но попы-священники, попы-пастыри: достойные молеельщики русскаго Бога за русскій народъ, его же суть учителя и отцы духовные, — строители и хранители русскаго Дома Пресвятой Богородицы нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Александръ Амфитеатровъ.

Вводный рассказъ.

Знаменитый демонологический документъ конца XVII вѣка „Повѣсть о бѣсноватой женѣ Соломоніи“ начинается рассказомъ:

„Въ лѣто 7169 (1661) февраля в..... день содѣяся сиче въ предѣлахъ отъ града Устюга за четыредесять поприщъ: вверхъ по Сухоны рѣки есть волость, глаголемая Ерогоцкая, въ ней же церковь Пресвятыя Богородицы; тоя же церкви іерей имянемъ Димитрій, бывшій въ Троицкомъ Гледенскомъ монастырѣ монахъ Діонисій, и жена его именемъ Улита, имяста же у себя дщерь, именемъ Соломонію, о ней же намъ нынѣ слово предложитъ.

І дошедши ей Соломоніе в совершенный возрастъ, і восхотѣста родители ея в законное сочетаніе мужеви

Вотъ что случилось 8 февраля 7169 (1661) года въ уѣздѣ города Устюга, въ сорока отъ него поприщахъ. Вверхъ по рѣкѣ Сухонѣ есть волость, названіемъ Ерогоцкая, а въ ней церковь Пресвятой Богородицы. Священникъ этой церкви, по имени Димитрій, впоследствии монахъ Троицкаго Гледенскаго монастыря, Діонисій, и жена его, именемъ Улита, имѣли дочь, по имени Соломонію. О ней то и предстоитъ намъ рассказать.

Какъ скоро она, Соломонія, достигла должнаго возраста, родители пожелаали сочетать ее законнымъ бракомъ съ нѣкимъ земледѣльцемъ,

вдати нѣкому земледѣльцу імянемъ Матеею, иже бысть пастухъ скотскій, еже и бысть.

И по брацѣ бывши ей в невѣстномъ чертозѣ, і не по мнозѣ времени восхотѣ мужъ ея отъ ложа изыти на преддверіе хранимы, тѣлесныя ради нужды. І по изшествіи его, иже искони ненавидяй добра злый старый врагъ дияволъ сатана, иже не престающе челоуѣки боря, умысла такова самъ іли посланъ отъ челоуѣка недобра, отъ нѣкоего чародѣя волхва отъ челоуѣка лукава обоянника на погубленіе жены той, і приде аки нѣкто ко хранинѣ, и толкійся во двери без молитвы, и глагола челоуѣческимъ гласомъ:

— Соломоніе! отверзи!

Она же воста от ложа своего і отверзи двери хранины тоя, мня мужа своего пришедша, и пахну ей въ лице, і во уши, і во очи, аки нѣкоторый вихоръ велій, і явися аки пламя нѣкое огнено і сине. Она же усумнѣся, і въ недоумѣніи бысть; і паки помале приде і мужъ ея к ней во хранину, на ипаче ужасеся, помышляше во умѣ своемъ яко не мужъ ея приде к ней, но некое

по имени Матвѣемъ, пастухомъ скота въ той окрестности. Такъ и случилось. И вотъ, по совершении брака, когда Соломонія была въ свадебномъ покоѣ, мужъ ея, въ скоромъ времени, захотѣлъ выйти въ сѣни по естественной надобности. А по уходѣ его, тотъ, кто отъ начала вѣковъ ненавидитъ добро, злой старый врагъ, дияволъ, сатана, измыслилъ нижеслѣдующее злодѣйство для того, чтобы погубить эту женщину. Самъ ли измыслилъ или будучи посланъ какимъ-нибудь чародѣемъ, волхвомъ, по порученію недруга, челоуѣка лукаваго, вѣдающаго колдовство, — но, конечно, это онъ тутъ дѣйствовалъ, онъ, ведущій непрерывную борьбу съ родомъ челоуѣческимъ.

Какъ будто кто то подошелъ къ клѣти и, постучавъ въ дверь безъ молитвы, сказалъ челоуѣческимъ гласомъ:

— Соломонія! отвори!

Думая, что это мужъ пришелъ, она встала и отворила дверь. И, вдругъ, пахнулъ ей въ лицо, въ глаза, въ уши какъ бы нѣкій сильный вихрь, и сверкнуло будто пламя какого то синяго огня. Она

страхование неприязненное. И бысть во всю ночь без сна; прииде на нея трясение і великій лютый ознобъ...

И в третій день она очюти у себе во утробе демона люта, терзающа утробу ея, и бысть в то время во иступленіи ума от живущаго в ней демона.

И в девятый день по брацѣ, по захождени солнца, бывши ей в клѣтцѣ с мужемъ своемъ, на одрѣ восхотѣста почити, і внезапно видѣ она Соломонія демона, пришедша к ней звѣрскимъ образомъ, мохната, имуща кнохти, и ляже к ней на одрѣ. Она же вельми его убояся иступи ума. Той же звѣрь оскверни ея блудомъ, абие же она очютися на утрия в третій часъ дня, і не повѣда никому бывшее дьявольское кознодѣйство, і с того же дни окаянни демони начаша к ней приходити кромѣ великихъ праздниковъ по пяти и по шти человѣческимъ зракомъ, яко же нѣкотори прекрасниі юноши, і тако нападаху на нея, і скверняху ея, і отхождаху, людемъ же ничто же видѣвшимъ сего. Она же, Соломонія же, вегда приходяше в собственный умъ свой, повѣда мужу своему яже о себѣ, како тие

же растерялась и не могла понять, что это такое. А немного погодя возвратился къ ней въ клѣть мужъ ея, и тутъ она еще больше испугалась, подумавъ про себя, что это не мужъ къ ней пришелъ, а какое то враждебное страшилище. И провела всю ночь безъ сна: трясло ее жесточайшимъ ознобомъ.

А на третій день ощутила она у себя въ утробѣ свирѣпаго демона. Онъ терзалъ ея утробу, и тогда она дѣлалась, какъ сумасшедшая—отъ жестокости демона, вселившагося въ нее.

На девятый день послѣ свадьбы, по закатѣ солнечномъ, какъ была она съ мужемъ въ клѣти, хотѣли они лечь въ постель. Какъ вдругъ видитъ она, Соломонія: пришелъ къ ней демонъ, въ звѣриномъ образѣ, мохнатый, съ когтями, — и легъ къ ней на постель. Она же, очень испугавшись его, потеряла сознание. А звѣрь этотъ осквернилъ ея блудомъ. Очнулась она только на завтра, въ третьемъ часу дня и не сказала никому о содѣянномъ надъ нею дьявольскомъ зломъ. И съ того самаго дня стали къ ней приходять окаянныя демонныя же-

демони приходя скверняху. Онъ же ничто же ей отвѣча. І живши с мужемъ своимъ в дому нѣколько время, мучися и труждаяся демонскою вражескою силою обидима лютѣ; видѣвше мужъ ея насилствование жены своея, отвезе ю ко отцу ея іерею Димитрію и матери, і остави ю жити у него.

Они же, окаянние водяние демони, і тамо хождаху и скверняху, і егда она Соломонія, исхождаше ис храмины на придверие, они же, окаяннии, невидимо восхищашу и уношаху в воду; она же кричаше великимъ гласомъ; отецъ же ея и мати и вси домашниі исходяще ис храмины за нею, и не видѣвше ея нигдѣже, плачуще и рыдающе, возвращахуся в домъ свой унылы и сѣтованный: живяше же у них в водѣ овогда день, овогда же два и три не исходящи от нихъ, но и тамо такоже мучаху ея скверниі дни демони, ругающесе всячески, і отнесшея, оставляху овогда на лесу, овогда на полѣ, и пометаху ю нагу, і нѣкими христолобивыми людьми направляема к дому отца своего.

Отецъ же и мати ея, видя такую гибель дщери своея,

дневно, кромѣ большихъ праздниковъ, по пяти и по шести, въ человѣческомъ образѣ, будто какіе то красивые парни, и такъ (же точно) набрасывались на нее и оскверняли ее, а люди ничего того не видали. Когда Соломонія (послѣ того) приходила въ разумъ, то рассказывала мужу все о себѣ, какъ демоны приходятъ и сквернятъ ее. Но онъ ей ничего не отвѣчалъ. Такъ, живя нѣкоторое время съ мужемъ (у него) въ дому, мучилась она и страдала, жестоко угнетаемая вражескою силою бѣсовъ. (Наконецъ) мужъ, видя, какое насиліе творится надъ его женою, отвезъ ее къ отцу ея, священнику Димитрію и къ матери и оставилъ ее жить у нихъ.

Но они, окаянные водяные демоны, и тамъ приходили и оскверняли ее. И, какъ только она, Соломонія, выходила изъ избы въ сѣни, тутъ они, окаянные, невидимо подхватывали ее и уносили въ воду; она же кричала, что было голосу. Отецъ, мати и всѣ домашніе выбѣгали за нею изъ избы, но, нигдѣ ея не видя, съ плачемъ и рыданіями возвращались въ свой домъ, полный

плакахуся зѣло и недоумѣвахуся; и по малѣ времени они окаяннии демони пришедше, бывше ей единой в дому отца своего, и начаша ея бросати овъ демонъ во единъ уголь храмины, инъ такоже во иный уголь, овъ на палати, инъ же на печь, і тако мучаху ея многи часы, и взяша нѣкое ўже и привязавше за шию ея, і взяша камень жерновый, и въздѣвше на ўже и положиша на лицѣ, і на перси ея, такожде и столъ придѣвши; і на столъ прорѣзаша диру, и тутъ же въздѣвше і повѣсивше ея совсѣмъ к стропу храмины. Слышавше же сосѣди бывающее над бѣсноватою оною женою таковое необычное страхование, и великий стукъ и громъ и шумъ во храминѣ ея, ужасошася, і повѣдаша отцу ея; онъ же пришедъ, і не виде никого же во храминѣ, токмо ея едину лежащу, і ўже на выи ея, і камень, і столъ, і не вѣде она, како отрѣшися от верху храмины, бывши ей аки мертвѣ на многи часы от того мученія, і едва проснуся. Отець же ея разрѣвши; придоша же і сосѣди, і видѣша тѣло ея все избито, посинѣ, а болѣзны она никако же чюяше.

унынія и сѣтованія. Жила она у нихъ (бѣсовъ) въ водѣ иной разъ день, а то и по два, по три дня не выходила отъ нихъ; но и тамъ точно такъ же мучили ее скверные эти демоны, всячески ругаясь надъ нею. А относя ее (обратно на землю), оставляли ее то въ лѣсу, то въ полѣ, бросали голою, (такъ что ужъ только) нѣкоторыми христілюбивыми людьми была она доставляема въ домъ отца своего.

Отець же и мать ея, видя такое гибельное состояніе своей дѣчери, горько плакали и были въ растерянности, (что дѣлать). А въ скоромъ времени они, окаянные демоны, придя, когда она была одна въ отцовскомъ дому, принялись бросаться ею; одинъ демонъ броситъ ее въ одинъ уголь избы, другой переброситъ въ другой, тотъ—на палати, тотъ—на печь. И такъ мучили ее долгіе часы. Добыли какую-то веревку и обвязали ей шею; достали жерновой камень и, въздѣвъ его на веревку, взвалили (Соломоніи) на лицо и грудь, да и, придвинувъ столъ и прорѣзавъ въ немъ дыру, вздернули-подвѣсили ее къ самому потолку. Сосѣди, слы-

Отецъ же и мати ея к ноци запираху (ея) во храмину едину, бояхуся ея: егда они, окаянии демони, к ней приходяху, і она бываетъ внѣ ума, і дають ей демони копие желѣзное, дабы заколола отца своего; і завтра показуетъ копие истинно, а не привидѣниемъ, всемъ страшно, і бысть ей таково мучение без престани; не обрѣташе от нихъ покоя: овогда бо ея уношаху в воды, иногда же вознесши на горы и на холмы превысокіи, и на храмины, и всячески поругавшеся ей и изрѣваху ея долу. А иныя ихъ вражия козни невозможно і описанию предати; мнози тому вражию кознодѣйству в той волости (веси) свидѣтели неложни бяху...

ша, чтось этой бѣсноватой женщиной творятся такіе необычайные ужасы и въ избѣ у нея идетъ великій стукъ и грохотъ, испугались и извѣстили отца ея. Но онъ, придя, никого не нашель въ избѣ, только она одна (Соломонія) лежала съ веревкой на шеѣ, — да камень былъ, да столъ. А она и не знала, какъ освободилась отъ повѣшенія подъ потолкомъ, потому-что, въ теченіе многихъ часовъ, была, какъ мертвая, отъ перенесенныхъ мученій и на силу-то пришла въ чувство. Отецъ развязалъ ее; тогда подошли и сосѣди, и видѣли, что тѣло ея все избито, въ синякахъ, а (межъ тѣмъ) боли она нисколько не ощущала. (Съ этого случая), отецъ и мать Соломоніи стали ее запирать (или: отъ нея запираться) въ отдѣльный чуланъ, потому что забоялись ея. Какъ, бывало, придуть къ ней демоны, она и станетъ безъ ума, а демоны и суютъ ей (въ руки) копье желѣзное, (научая), чтобы она заколола своего отца. На утро всѣхъ она, показывая то копье, перепугала: было оно настоящее, а не призрачное. Такъ вотъ и мучилась Соломонія непре-

рывно; не было ей отъ нихъ (бѣсовъ) покоя: то въ воду ее уносили, то возносили на гѣры, на высочайшіе холмы, на крыши домовъ и, всячески надругавшись надъ нею, сбрасывали ее внизъ. А инныя злыя продѣлки враговъ недопустимо и рассказать на письмѣ. Много въ той волости (въ томъ селѣ) было свидѣтелей этимъ вражескимъ злоухищреніямъ, — и достовѣрныхъ.

(Дальнѣйшій текстъ (въ переводѣ) въ „Одержимой Руси“).

Оставляя въ сторонѣ эротическія галлюцинаціи бѣсноватой Соломоніи, обратимъ вниманіе на три бытовыя отмітки „Повѣсти“ въ приведенномъ начальномъ ея отрывкѣ.

1. Происхожденіе недуга приписывается порчѣ Соломоніи чрезъ вселеніе въ нее нечистаго духа, вошедшаго въ молодуху то ли по собственному почину, то ли по насылу злого колдуна.

2. Порча эта не простая, а свадебная: обнаружилась непосредственно вслѣдъ за обвѣнчаніемъ Соломоніи съ Матвѣемъ, „пастухомъ скотскимъ“, въ первую же ихъ брачную ночь.

3. Жертва свадебной порчи — дочь сельскаго священника, захолустная поповна. Испуганный развитіемъ недуга Соломоніи, мужъ отвезъ бѣсноватую жену обратно къ отцу, въ поповку Ерогоцкой волости. Конечно, въ расчетъ, что на поповкѣ, близъ церкви Пресвятой Богородицы, подъ родительскимъ крыломъ о. Дмитрія, облеченнаго въ благодать іерейскаго сана, Соломонія будетъ безопасна

отъ демоновъ. Этого не случилось. Напротивъ, ея демономанія возростала съ чудовищной быстротой и энергіей, творя идеи и картины все болѣе грубаго и остраго эротизма. Въ хроническомъ бредѣ преслѣдованія Соломонія протомилась, какъ въ послѣдствіи сама она высчитываетъ, одиннадцать лѣтъ пять мѣсяцевъ, съ 8 февраля 1660 года по 8 іюля 1671-го, когда удостоилась получить чудесное исцѣленіе отъ святыхъ устюжскихъ угодниковъ, Прокопія и Іоанна Юродивыхъ.

Займемся этими тремя указаніями „Повѣсти“.
